

Главный аспект присутствия в этом плане проблематики «пошлости и рутины» у Некрасова определяется преимущественно такими типами эмоционально-ценностного отношения, как специфическая для поэта *ненависть* к «зиждителям существующего миропорядка» и *призывание* к «восстанию с колен» и «служению». Социальной, эмоциональной, интеллектуальной инерции «ветхого» человека художник противопоставляет энергетику социального участия, готовность к подвижничеству во имя гуманистических велений века, твердость личных убеждений, сияние героического альтруизма и жертвенной устремленности к идеалу социальной и нравственной справедливости.

Культурно-исторический слой проблематики некрасовского творчества непосредственно программировался и стимулировался его социальным, образовательным, интеллектуальным и философско-культурным созреванием как личности. Поэтому векторы динамики развития этого круга проблематики можно охарактеризовать как путь некрасовского лирического субъекта от представления себя в качестве стоящего *вне* и *над* «низовым» труженническим и житейским миром к осознанию им себя органически принадлежащим ко всем «поколениям» *своего* народа, «предстоящего пред этим скудным алтарем», и, наконец, к восприятию себя в числе тех, кто *лично ответствен* за счастье или несчастье всей нации.

По этой причине «человек жизненной рутины» вновь предстает в амбивалентном освещении теперь уже критического неприятия, суда над его «типологическим» убожеством, рутинностью, инертностью и — *удивления* открытием, *восхищенного любования* «природной» и духовной органикой национального мира и человека. В этом плане задачей поэта стало пробудить вековой сон, воззвать к живым силам, погребенным под исторической толщей рутины, заставить сиять путеводной звездой «в рабстве спасенное сердце народное», побудить национальные массы к созидательному историческому деянию, духу инициативы, радости строительства собственного «светлого завтра».

В *ментально-психологическом* слое некрасовской проблематики динамика ракурсов художественной интерпретации человеческой сущности обнаружила себя в следующих планах: в отходе поэта от концепции указания на поглощенность человека его судьбой к показу многообразия реакций человека на обстоятельства его судьбы и многообразия самих человеческих типов-характеров; в смещении творческих акцентов с изображения «спонтанных» действий человека (психологических «явлений-загадок») на представление поступков, обусловленных сцеплением индивидуальных свойств, известными мотивами, убеждениями; наконец, в переключении внимания поэта с простых и целостных монологических типов на сложные, дискретные психологические «композиции» человеческой сущности и в исследовании им диалогических отношений с партнерским «ты» и внутри самого человеческого «я».

В раздумьях поэта о природе внутреннего человека, его антропологическом естестве, о мире личностного самосознания господствующим стал пафос *анализа* и *авторerefлексии*. «Рутинерский» аспект проблематики при этом обнаруживает психологическую «дисперсность» и «лабильность»: пошлое и непошлое оказываются, во-первых, многообразно представленными в составе одного личного «я», а во-вторых, смещение точки зрения приводит к ситуации, при которой одни и те же вещи вдруг получают возможность быть интерпретируемы то в негативном, то в позитивном смысле.

Неочевидность последних утверждений побуждает обратиться к соответствующим примерам из некрасовской лирики. Так, в любовной лирике